

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЬВА

A photograph of a man in profile, seen from the side, holding a lit candle. The scene is dark, with the light from the candle illuminating the man's face and hand. The background is black, making the light from the candle stand out prominently.

Ольга ФУКС

СПЕКТАКЛИ АКРАМА ХАНА СТАЛИ ГЛАВНЫМИ ФЕСТИВАЛЬНЫМИ СОБЫТИЯМИ ЭТОГО ЛЕТА В МОСКВЕ И АВИНЬОНЕ. А САМ ОН ПРОЩАЕТСЯ СО ЗРИТЕЛЯМИ — КАК ИСПОЛНИТЕЛЬ КРУПНЫХ СОЛЬНЫХ ПАРТИЙ. НО ОСТАЕТСЯ — КАК ХОРЕОГРАФ.

Ему сорок пять, и он шутит, что теперь вынужден танцевать в одежде, потому что «метаболизм, знаете ли, замедляется», но собирает переполненные залы желающих увидеть его прощальные соло. В 10 лет он уснул на «Лебедином озере». В 19 впервые пришел балетный класс, увидев видеозаписи танцующего Барышникова, и был жестко раскритикован за свои данные. Танцевальный факультет (в Университете Де Монфор в Лестере) выбрал потому, что это была единственная возможность поступить хоть в какой-нибудь вуз (мечта амбициозного отца). А классическую «Жизель» впервые увидел... только когда три руководителя разных театров предложили ему поставить этот балет почти одновременно («пожалуй, хороший балет, стоит посмотреть»).

Вчера

Акрам Хан, уроженец Лондона и бенгалец по происхождению, создатель уникального танцевального стиля – производного от индийского классического танца катхак, возникшего в пятом веке, и современного танца, возникшего в двадцатом, – точно призван был опровергнуть аксиому Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». По иронии судьбы его первой ролью в жизни (в детстве) стала роль Маугли из «Книги джунглей» (Лондонская Академия индийского танца). Можно сразу назвать его первых учителей катхака, танца богов, и модерна, танца людей, – Шри Пратапа Павара (знатока традиций и великого экспериментатора, воспитавшего более 700 танцовщиков) и Анну Терезу де Кеерсмакер, икону стиля. Но сам Акрам Хан признается, что с самого детства невольно соединял две традиции, и, прилежно изучая катхак, копировал всех кумиров западного мира – Чарли Чаплина, Майкла Джексона, Бастера Китона и других. Бросок кобры, прыжок тигра, кружения дервиша, лианы переплетенных рук, перестук босых ног, а главное, огненная страсть Акрама Хана – все это придало пряный и терпкий вкус современному танцу.

Из партнеров Акрама Хана – режиссеров, танцовщиков, художников – можно сложить отдельную «аллею

славы». Сильви Гиллем танцует с ним в «Священных чудовищах»: сначала рыжая этуаль и смуглый тигр исполняли то, что лучше всего умеют, классику балета и катхака, затем соединялись в сложном и изысканном хореографическом диалоге о сути искусства. Через несколько лет она вновь позовет Акрам Хана, чтобы тот в компании с Расселом Малифантом и Матсом Эком сочинил ей соло для финального спектакля. Акрам Хан ставит для Гиллем «Техне» – магический танец рук в круге света, неистовый настолько, что, кажется, сам производит энергию. С бельгийским танцором и хореографом с марокканскими корнями Сиди Ларби Шеркауи Хан создает абсолютный хит «Ноль градусов», где в танец превращена даже человеческая речь. Жюльетт Бинош пускается с ним во все тяжкие и впервые рискует попробовать себя в роли танцовщицы в остроумном и нежном «In-I» о мужчине и женщине (о чем же еще?). Со знаменитым байлаором (танцовщиком фламенко) Израэлем Галваном он сочиняет «Торобака», где образы священных животных Индии и Испании, коровы и быка, воплощаются через катхак и фламенко. Этот список можно продолжать еще долго.

Еще в 13 лет Акрам Хан попал в интернациональную «Махабхарату» Питера Брука, у которого потом снимется еще и в телеверсии «Гамлета». Тексты «Махабхараты» лягут в основу спектакля «Gnosis», где Акрам Хан и японская танцовщица, певица и перкуссионистка Йоши Сунахата устроят встречу индийского эпоса и традиций кабуки. А «Эхо Махабхараты» (подзаголовков книги стихов Картики Наир,

посвященной периферийным героям эпоса) отзовется в другом спектакле Акрама Хана «Пока львы молчат» (в буквальном переводе – «пока у львов нет историков», пока историю пишут охотники) – танцевальный рассказ о принцессе Амбе, которую похитили и надругались над ней в день ее свадьбы, заставив богов молить о возмездии. «Во многих мифах женские персонажи остаются невоспетыми героинями... Их нерассказанные истории продолжают преследовать меня», – сказал хореограф. Так, от спектакля к спектаклю Акрам Хан становился «историком льва» – историком невоспетых героинь и безымянных героев.

Сегодня

Под знаком Акрама Хана прошли в этом году Чеховский фестиваль («Жизель» Английского национального балета, за которую Акрам Хан получил премию им. Лоуренса Оливье), «Территория» (фестиваль специально начался на два месяца раньше обычного, чтобы показать балет Xenos, где Акрам Хан танцует свою последнюю крупную роль, оставив за собой возможность исполнять небольшие партии) и Авиньонский (на главной сцене во дворе Папского дворца состоялись показы спектакля «Перехитрить дьявола», который осенью привезут в Москву на фестиваль Dance Inversion). В его основу лег древневосточный эпос о Гильгамеше («Поэма о все видавшем»), который создавался на протяжении полутора тысяч лет (к слову, его хотел поставить Эймунтас Някрошюс, но не успел). Кроме того, в Москве прошел кастинг для постановки новой версии балета «Kaash» («Если бы...») –

первого крупного балета Акрама Хана, показанного более, чем в 20 странах и удостоенная многих наград. Ну а Английский национальный балет в следующем сезоне представит премьеру нового балета Акрам Хана, героями которого станут Франкенштейн, Войцек и Прометей.

Во многонаселенной «Жизели» и сольном Xenos мир поделен стеной. В «Жизели» она отделяет Отверженных (безликие отпечатки их рук – попытка сдвинуть Стену, обозначить себя) от Знати (почти манекены для вычурных костюмов). В финале в эту стену будет биться, пока не затихнет, Альберт, возлюбленный и предатель Жизели, бог весть зачем сохранивший свою постылую жизнь. В Xenos – это земляной ров, последняя черта между жизнью и смертью. И там, и там классическая музыка Адольфа Адана и Моцарта инкрустирована в новое музыкальное высказывание композитора Винченцо Ламаны, который присутствовал на всех репетициях, сочиняя спектакль вместе с хореографом.

Вслед за Матсом Эком и другими культовыми хореографами Акрам Хан вступил в диалог с признанным шедевром – романтической «Жизелью». Это не первые попытки переосмыслить классическое наследие в творчестве хореографа. Так, например, в спектакле «iTMOi» (In the Mind of Igor), ставшем своеобразным подношением Игорю Стравинскому и его «Весне священной», Акрам Хан так же оставляет от музыки только одну тему из балета (остальную пишут композиторы Бен Фрост, Нитин Соуни, Джоселин Пук), но стремится воссоздать первоначальный импульс великого балета (Стравинскому он приснился – танцовщица, танцующая до смерти, чтобы вернуть миру весну).

Хореограф признался, что ему хотелось воплотить в Жизели образ сильной женщины, такой, как его мать-феминистка, жена-японка («внешне абсолютно спокойная, а внутри – вулкан»), и шестилетняя дочь («я ее уже боюсь»). Московская публика увидела двух Жизелей – Тамару Роха и Алину Кожакару (Акрам Хан призывал обеих учиться друг у друга. Для себя, если бы выбирал,

«Жизель»

Фото: Лоран Льотардо

выбрал роль Иллариона, влюбленного в Жизель, – его кровавый путь к власти над своими братьями, его выгорание от безнадежной любви, его жалкую гибель от травли виллис). Жизель, мигрантка с фабрики, на которой работают Отверженные, – натура цельная и ясная, не гнет шею перед Знатью, не принимает ее подачек, и в своей решимости идти до конца – до рождения ребенка, до смерти от предательства – становится опасной как для Знати, так и для Отверженных. И гибнет в кольце своих же.

Мигрантки, они же виллисы, танцуют и монотонность станка, и пламя огня, пожирающего Жизель, и хаос жизни, и жесткую диктатуру смерти (во втором акте хореограф поднимает их на пуанты и вручает бамбуковые палки). Жизель, своенравная при жизни, бунтует и после смерти, топча животы своих новых товаров, так и не родивших детей, и спасая любимого от их жалящих палок. Она опускается на полную стопу, чтобы отвоевать у смерти еще одну встречу, еще одно объятие – и принимает свою судьбу, уводя за собой на безопасное расстояние от Альберта предводительницу виллис – точно самка охотника от детенышей.

Xenos («чужой», «чужестранец» в переводе с греческого, давший корень слову «ксенофобия») – дань памяти почти полутора миллионам солдатам из колоний, погибших в Первую мировую. Именно эта цифра, вычитанная в одной из газет, обожгла хореографа, который согласился поучаствовать в памятной государственной программе. Он понял, что среди этой гигантской армии могли быть и его предки, и осознал, что на уроках истории тема солдат из колоний почти не поднималась. Они тоже своего рода «львы» в истории «охотников». Его лирическим героем стал танцовщик катхака, безвестный сипай, погибший на чужой войне и легший в чужую землю. Монисто на ногах – привычный элемент костюма в катхаке – звенит здесь кандалами. Под звуки уникального ансамбля для голоса, европейских и индийских инструментов, солдат теряет свой привычный мир, постигает премудрости войны, тянет кабель, налаживает связь, умиляется военным приборам, как ребенок игрушкам, разгуливает по опасной вер-

Фото: Жан-Луи Фернандес

шине рва, не ведая, что творит. И вместе с одной из главных музыкальных тем христианского мира – Lacrimosa Моцарта, которая «расползается» в незнакомых звуках – гибнет в безвестном окопе, расставаясь с жизнью с витальным отчаянием и детским удивлением.

* * *

«Почему танец так важен для людей? Если танцевальную историю можно пересказать словами, если танец не говорит с вами нутром, значит, я где-то ошибся. Танец не имеет ничего общего с логикой – в нем столько неоднозначностей, переносных значений... Расскажу один случай. Дело было в Австралии, в Сиднейской Опере шел мой спектакль. Я жил недалеко, но так устал однажды, что вызвал такси от театра. Такси подъехало, я открыл дверь и... в машину быстро уселась парочка, решившая, что я открыл дверь им. Я был зол, и когда вдруг опустилось стекло и меня спросили: «Ой, а вы случайно не Акрам Хан?» Я брякнул: «Может, да, может, нет». Они поблагодарили меня за спектакль... и уехали. Через пять минут я сел в другую машину. И вдруг понял, что мне просто необходимо позвонить отцу. Никогда особо не звонил, а тут не удержался. Разница во времени между Австралией и Лондоном, кажется, и впрямь большая – в общем, я его разбудил. «Пап, привет! – Чего тебе?» Я замялся. «У тебя что, проблемы с законом? – Да нет. – Деньги нужны? – Не нужны. Знаешь, давай я тебе потом позвоню».

Я говорил на бенгальском. И вдруг водитель такси спрашивает,

“Xenos”

Фото: Жан-Луи Фернандес

не зовут ли моего отца... и называет его имя. Затем – деревню на двести человек, откуда уехала моя семья, и я понимаю, что он знает все про моих родителей, сестру и меня. У меня начинается паранойя – неужели за мной следят спецслужбы? Я потребовал объяснить, откуда у него информация, иначе не поеду. И водитель рассказал мне, что мой отец – его лучший друг, которому он когда-то отдал все деньги на осуществление мечты – открыть свое дело. Он знал, что у моего отца сын – знаменитый танцовщик («в бенгальских газетах писали про вас, правда, помещали фотографии вашего отца»). И сопоставил факты – человек, говорящий по-бенгальски, вызывает такси к оперному театру в Австралии...

Я тут же перезвонил отцу. «Ну чего тебе опять? – Папа, тут человек говорит, что он твой друг. – Спроси, как он меня называл? – Он говорит «Бийо»... эй, папа, алло!» И тут я впервые услышал, как мой отец плачет.

Через год я привез своих родителей в Сидней. На спектакле они сидели вместе с тем шофером такси. Я прервал спектакль и рассказал их историю. В антракте ко мне подошла парочка. Другая, не та, что увела такси из-под носа. «А вы не думали, что те нахалы были вашими ангелами, иначе не было бы этой встречи?» – спросили они. Вот что это было? Не знаю, но что-то непостижимое, если хотите, святое. Как сам танец».

Внашей жизни не так много моментов, когда ощущаешь величие простоты. Непростая это задача выразить прекрасными словами красоту танца. К тому же ответственная, за что мы должны быть благодарны танцору и хореографу Акраму Хану, автору послания к Международному дню танца в апреле 2009 года. Этот праздник отмечается во всем мире с 1982 года и в честь него проводятся мероприятия, организуемые Международным комитетом танца Международного института театра при ЮНЕСКО. Акрам Хан сумел сформулировать суть танца так, что они стали словами от всех нас, кто участвует в этом искусстве. Его слова глубоко трогают, пробуждая эмоции и движение внутри нас, а это и есть танец. Основы нашего бытия переплетаются с сущностью танца и его предназначением. Танец доступен каждому, един для всех. Мы можем узнать и полюбить друг друга посредством танца. Через танец воспитываются ценность, терпимость, сочувствие. Мечты – это танец, а танец – это воплощение мечты. А также уверенность в себе, доверие и сила воли. Акрам Хан говорит, что «у танца есть бесчисленные диалекты и огромная сила выражать, трансформировать, объединять и восхищать». Давайте распространять по всему миру эти слова!

*Альберто Гарсия Кастаньо,
Президент Испанского центра МИТ
Мадрид, 27 сентября 2019.*

From the Point of View of a Lion

Olga FOUX

AKRAM KHAN'S PERFORMANCES BECAME THE MAIN FESTIVAL EVENTS OF THIS SUMMER IN MOSCOW AND AVIGNON. AND HE SAYS GOODBYE TO THE AUDIENCE — AS A PERFORMER OF MAJOR ROLES. BUT HE REMAINS — AS A CHOREOGRAPHER.

He is forty-five, and he jokes that he is now forced to dance in clothes, because “metabolism, you know, slows down” but he gathers crowded halls who want to see his farewell solos. At 10, he fell asleep on Swan Lake. At 19, he first came to the ballet class having seen videos of the dancing Baryshnikov, and was harshly criticized for his physique. Chose Contemporary Dance faculty at Leicester De Montfort University because it was the only opportunity to enter a university (the dream of an ambitious father). And for the first time he saw the classic Giselle... only when three leaders of different theatres offered him to stage this ballet almost at the same time (“perhaps a good ballet, it’s worth a look”).

Evening

Akram Khan, a Londoner and a Bengali by origin, the creator of a unique dance style – a derivative of Indian classical kathak dance that came along in the fifth century and modern dance that arose in the twentieth – was specifically designed to refute Kipling’s axiom: “West is West, East is East and never the twain shall meet” Ironically, his first role in life (as a child) was the role of Mowgli from The Jungle Book (London Academy of Indian Dance). You can immediately name his first teachers of kathak, the dance of the gods, and modern, the dance of people – Sri Pratap Pavar (a connoisseur of traditions and a great experimenter who brought up more than 700 dancers) and Anna Teresa de Keersmaecker, an icon of style. But Akram Khan himself admits that from childhood he involuntarily combined the two traditions. Diligently studying kathak, he copied all the idols of the Western world – Charlie Chaplin, Michael Jackson, Buster Keaton

and others. A throw of a cobra, a tiger jump, a whirling dervish, creepers of bound hands, a tapping of bare feet, and most importantly, Akram Khan’s fiery passion gave a spicy taste to modern dance.

Among the partners of Akram Khan – directors, dancers, artists – you can put together a separate “walk of fame.” Sylvie Guillem dances with him in “The Sacred Monsters”: first, the red-haired star and the dark-skinned tiger performed what they do best, classical ballet and kathak, then joined in a complex and refined choreographic dialogue about the essence of art. After a few years, she will again call Akram Khan, so that he, in the company of Russell Malifant and Mats Ek, composed for her a solo for the final performance – a magical dance of hands in a circle of light, so frantic that it seems that it itself produces energy. With a Belgian dancer and choreographer with Moroccan roots, Sidi Larbi Sherkaoui Khan creates the absolute hit “Zero degrees”, where even human speech is turned into a dance. Juliette Binoche embarks on all the difficulties with him and for the first time runs the risk of trying herself as a dancer in the witty and affectionate In-I about a man and a woman (what else?). With the famous bailaora (flamenco dancer) Israel Galvan, he composes “Torobaka”, where the images of the sacred animals of India and Spain, a cow and a bull, are embodied through kathak and flamenco. This list can be continued for a long time.

At the age of 13, Akram Khan joined Peter Brook’s international Mahabharata, Khan later also starred in his television version of Hamlet. The Mahabharata texts formed the basis of the Gnosis performance, where Akram Khan and Japanese dancer, singer and percussionist Yoshie Sunahata arrange a meeting of the Indian epic and Kabuki traditions. And “The Echo of Mahabharata” (subtitle of the book of poems by Kartika Nair dedicated to the peripheral heroes of the epic) will be echoed in another play by Akram Khan “While the Lions are Silent” (literally – “while the Lions have no historians,” while the hunters write history) – a dance story about Princess Amba, who was kidnapped and abused on her wedding day, forcing the gods to pray for retribution. “In many myths, female characters remain unnoticed... Their untold stories continue to haunt me,” said the choreographer. Thus, from play to play, Akram Khan became a “lion historian” – a historian of unnoticed heroines and nameless heroes.

“Xenos”

Photo by Jean-Louis Fernandez

Photo by Jean-Louis Fernandez

"Xenos"

Today

This years' Chekhov festival was marked by Akram Khan (Giselle of the English National Ballet, for which Akram Khan received the Lawrence Olivier Award), Territory (the festival specially began two months earlier than usual to show Xenos, where Akram Khan dances his last major role, leaving the opportunity to play small parts) and Avignon (the main stage in the courtyard of the Papal Palace hosted the screenings of the play "Outwitting the Devil", which will be brought to Moscow in the fall during the DANCEINVERSION Festival). It was based on the ancient Eastern epic about Gilgamesh ("The Poem about the one who saw everything"), which was created over a half thousand years (by the way, Eimuntas Nekrošius wanted to stage it, but did not have time). In addition, a casting was held in Moscow for staging a new version of the ballet "Kaash" ("If...") – the first major ballet Akram Khan, shown in more than 20 countries and awarded many awards. Well, the English National Ballet next season will present the premiere of the new Akram Khan ballet, whose heroes will be Frankenstein, Wojcieck and Prometheus.

In the multi-populated Giselle and solo Xenos, the world is divided by a wall. In Giselle, she separates the Les Miserables (faceless fingerprints of their hands – an attempt to move the Wall, to identify themselves) from the Nobles (almost mannequins for elaborate costumes). In the final, Albert, beloved and traitor to Giselle, God knows why kept his hateful life, will fight against this wall until it is quiet. In Xenos, this is an earthen moat, the last line between life and death. Both there and there, the classical music of Adolf Adan and Mozart is inlaid in the new musical statement of the composer Vincenzo Lamagna who was present at all rehearsals, writing the performance hand in hand with the choreographer.

Following Mats Ek and other cult choreographers, Akram Khan entered into dialogue with a recognized masterpiece – the romantic Giselle. These are not the first attempts to rethink the classical heritage in the work of the choreographer. For example, in the play "iTMOi" (In the Mind of Igor), which became a kind of offering to Igor Stravinsky and his "Holy Spring", Akram Khan also leaves only one theme from the ballet from

music (the rest is written by composers Nitin Sawhney, Jocelyn Pook and Ben Frost), but seeks to recreate the original impulse of the great ballet (Stravinsky dreamed of it – a dancer dancing to death to restore spring to the world).

The choreographer admitted that he wanted to embody the image of a strong woman in Giselle, such as his feminist mother, Japanese wife (“outwardly absolutely calm, but inside – a volcano”), and a six-year-old daughter (“I am already afraid of her”). The Moscow public saw two Giselles – Tamara Roch and Alina Kozhakar (Akram Khan encouraged both to learn from each other. For himself, if he had to choose, he would have chosen the role of Illarion, in love with Giselle – his bloody path to power over his brothers, his burnout from hopeless love, his miserable death from bullying jeep). Giselle, a migrant worker from the factory where the Les Miserables work, is whole and clean woman, she does not bend her neck in front of the Nobility, does not accept her handouts, and in her determination to go all the way – until the birth of the child, to death from betrayal – becomes dangerous for the Nobility so for the Les Miserables.

Migrants, they are also the jeeps, dance and the monotony of the machine, and the flame of fire devouring Giselle, and the chaos of life, and the harsh dictatorship of death (in the second act, the choreographer picks them up pointe shoes and hands them bamboo sticks). Giselle, capricious in life, also rebels after death, treading the bellies of her new friends who have not given birth to children, and saving her beloved from their stinging sticks. She descends to a full step to win another meeting from death, another hug – and accepts her fate, taking the leader of the jeeps to a safe distance from Albert – just like a female hunter from cubs.

Photo by Laurent Lotardo

Xenos (“alien”, “stranger” translated from Greek, which gave the root to the word “xenophobia”) is a tribute to the memory of almost one and a half million soldiers from the colonies who died in World War I. It was this figure, read in one of the newspapers, that burned the choreographer, who agreed to participate in the memorable state program. He realized that among his gigantic army there might have been his ancestors, and realized that in the lessons of history the topic of soldiers from the colonies was hardly raised. They are also a kind of “lions” in the history of “hunters”. His lyrical hero was the kathak dancer, an unknown sepoy who died in a foreign war and lay in a foreign land. Monisto on his feet – a familiar element of a kathak costume – rings shackles here. To the sounds of a unique ensemble for voice, European and Indian instruments, a soldier loses his familiar world, comprehends the wisdom of war, pulls the cable, establishes a connection, touches military equipment like a child’s toys, walks around the dangerous top of the ditch, not knowing what he’s doing. And together with one of the main musical themes of the Christian world – Mozart’s Lacrimosa, which “spreads” in unfamiliar sounds – perishes in an unknown trench, parting with life with vital despair and childish surprise.

* * *

“Why is dance so important for people? If the dance story can be retold in words, if the dance does not speak to you inwardly, it means that I was mistaken somewhere. Dance has nothing to do with logic – there are so many ambiguities, figurative meanings... I will tell you one case. It was in Australia, at the Sydney Opera House was my performance. I lived not far, but once so tired that I called a taxi from the theatre. The taxi drove up, I opened the door and... a couple quickly got into the car, deciding that I opened the door to them. I was angry, and when the glass suddenly fell and they asked me: “Oh, and you are not Akram Khan by any chance?”, I blurted out: “Maybe, maybe, no”. They thanked me for the performance... and left. Five minutes later, I got into another car. And suddenly I realized that I just needed to call my father. I never really called, but I could not resist it. The time difference between Australia and London seems to be really big – in general, I woke him up. “Dad, hi! “What do you want?” I hesitated. “Do you have problems with the law? – Well no. – Need money? – Not needed. You know, let me call you later”.

Photo by Jean-Louis Fernandez

“Xenos”

I spoke Bengali. And suddenly the taxi driver asks if my father’s name is... and calls his name. Then – the village for two hundred people, where my family left, and I understand that he knows everything about my parents, sister and me. My paranoia begins – is it really that the secret services are watching me? I demanded to explain where he got the information, otherwise I won’t go. And the driver told me that my father – his best friend, to whom he once gave all the money to fulfill his dream – to open his own business. He knew that my father had a son – a famous dancer (“in the Bengali newspapers they wrote about you, though they posted photos of your father”). And he compared the facts – a Bengali-speaking person calls a taxi to the opera house in Australia...

I immediately called my father back. “Well, what do you want again? – Dad, here the man says that he is your friend. – Ask what he called me? “He says Biyo... hey dad, hello!” And then for the first time I heard my father cry.

A year later, I brought my parents to Sydney. At the performance, they were sitting with the taxi driver. I interrupted the performance and told their story. In the interval, a couple approached me. Another, not the one that stole a taxi from under the nose. “And you did not think that those impudent people were your angels, otherwise this meeting would have never happened?” They asked. What was that? I don’t know, but something incomprehensible, if you like, sacred. Like the dance itself”.

There are few occasions during our lifetime that we can experience the greatness of simplicity; not an easy task that of transforming into beautiful words the greatness of dance. And indeed a very generous task that we have to be grateful for. That is what the dancer and choreographer Akram Khan did when he wrote the message for the International Dance Day, April 2009, event promoted since 1982 by the International Dance Committee of the International Theatre Institute ITI/UNESCO. This extraordinary person and artist passed on to us the essences of dance through his words, that we feel are the words of all of us. These words moved us deeply, around our most inner emotions and motions, motion and emotion is what dance is all about. The pillars of our lives are brought here and intertwined with the essence of dance, and to its meaningful significance: dance is common to all, we can get to know and love each other through dance; through dance there is education in values, tolerance, empathy; dreams are dance and dance is dreams coming true, and there is also the power of self-confidence, trust and will. In his words, “This Day is dedicated to Dance, to its myriad dialects and its immense power to express, transform, unite and delight.” Let’s spread throughout the world these words, transform ourselves and others, wand with others, through the power of Dance!

*Alberto García Castaño
President of the Spanish Centre of ITI
Madrid, 27 September, 2019.*